

## Глава 8. Возвращение в Сюаньлин

Му Цунъюнь встретился взглядом с этими глазами — прямыми, пристальными, в глубине которых таилось ожидание, и ощутил неловкость.

Подобной ситуации он не мог себе даже вообразить.

Схожая судьба и характер заставили его проникнуться к юноше невольной симпатией, поэтому он искренне старался устроить его дальнейшую жизнь. Однако он никогда не думал, что тот привяжется к нему, словно считая его единственным человеком, заслуживающим доверия.

Это походило на то, как если бы ты из жалости покормил бродячего зверька, а тот вообразил тебя своим хозяином и теперь пытается увязаться следом домой.

Столь близкая и направленная исключительно на него связь выходила за рамки ожидаемого, заставляя Му Цунъюня подсознательно отступать и испытывать страх. С тех пор как супружеская пара, взявшая его на воспитание, вернула его обратно в приют, он инстинктивно избегал устанавливать подобные тесные узы — это вызывало в нем гнетущее чувство тревоги.

В его понимании у любых близких отношений был срок годности. И чаще всего, когда наступал конец, больнее всего приходилось тому, кто питал больше ожиданий и надежд.

Му Цунъюнь инстинктивно хотел отказать.

Но юноша стоял на утреннем ветру, и его несуразная, изорванная одежда развевалась в порывах воздуха. Когда он посмотрел на него своими черными, как смоль, глазами, в них не было мольбы, но казалось, будто он беззвучно просит: не бросай меня.

Должно быть, и у него самого было такое же выражение лица, когда те люди возвращали его в приют. А ведь перед тем, как забрать его домой, они так ласково водили его в парки развлечений, покупали красивую одежду и игрушки. Они сами говорили, что дети должны быть покладистыми и тихими, а слишком озорные только раздражают. Они обещали, что теперь у него будет дом, что он будет таким же, как другие дети, окруженным любящими родителями.

Он поверил им. Он долго тренировался втайне, прежде чем смог неуверенно произнести папа и мама. Но прошел всего месяц, и они вернули его обратно.

В тот день он стоял у ворот приюта, держась за руку директора, и смотрел вслед удаляющимся фигурам, которые даже не обернулись. Он не плакал и не закатывал истерику. Он просто не мог понять: почему они обещали дать ему дом, а потом вдруг взяли и отправили назад? Он долго думал над этим и в итоге пришел к выводу, что просто он сам — не тот ребенок, которого можно полюбить.

Стоявший перед ним юноша словно превратился в того самого ребенка, которого без колебаний оставили на произвол судьбы. И слова отказа, уже было сорвавшиеся с языка Му Цунъюня, замерли.

В этот момент из другой повозки высунулся Цзинь Ни. Увидев происходящее, он решил замолвить слово:

— Старший брат, возьми его с собой. Смотри, какой он несчастный. Оставить его на пике Уван слугой — дело нехитрое.

Му Цунъюнь, который и без того колебался, услышав это, на мгновение замялся, но в конце концов кивнул. Он указал на облучок другой повозки и велел Шэнь Ци:

— Садись.

В глубине черных глаз юноши вспыхнул огонек. Он ловко вскарабкался на облучок и уселся поудобнее, а когда обернулся к Му Цунъюню, то поджал губы, едва заметно улыбнувшись.

Только сейчас Му Цунъюнь заметил, что юноша на самом деле очень красив, особенно когда улыбается — на щеках появляются крошечные ямочки, делая его еще больше похожим на какое-то незащищенное существо.

Где-то в глубине души что-то дрогнуло. Му Цунъюнь протянул ему свой носовой платок и указал на лицо. Юноша понял его без слов, взял платок и принялся старательно стирать грязь.

Караван снова тронулся в путь.

\*\*\*

От поселка Наньхуай через город Дунчжоу, а затем еще пятьсот ли на север — и они прибыли в Сюаньлин.

Большая часть отряда была ранена, поэтому Му Цунъюнь не спешил. Они задержались на два дня в Дунчжоу, пополнили запасы и лишь потом двинулись дальше.

Му Цунъюнь по-прежнему правил повозкой, а Шэнь Ци сидел рядом с ним. Юноша сменил ветхое тряпье на новую одежду, которую купил ему Му Цунъюнь. Растрепанные длинные волосы были аккуратно собраны в пучок. И хотя он все еще оставался болезненно худым, казалось, будто перед ними совсем другой человек. В белых одеждах, с черными волосами и стройной осанкой он больше не выглядел чужеродным пятном рядом с Му Цунъюнем.

Правда, двое — старший и младший — в одинаковых белых одеяниях, оба молчаливые и угрюмые, создавали гнетущую атмосферу, от которой остальные ученики ощущали двойное давление.

Только Цзинь Ни не боялся Му Цунъюня. Путь был скучным, поэтому он то и дело высовывался из повозки, чтобы поддразнить Шэнь Ци.

— Эй, Хвостик, хочешь фруктов? — Он не знал имени юноши, а после того как дважды не получил ответа, решил придумать ему прозвище.

Шэнь Ци даже бровью не повел, будто и не слышал ничего. Лишь рука, спрятанная в рукаве, до побелевших костяшек сжала деревянный браслет, подавляя вспышку раздражения. Этот парень был даже шумнее, чем те две птицы вместе взятые.

Видя, что тот не реагирует, Цзинь Ни не обиделся. Остальные ученики знали, что у парня не всё в порядке с головой, поэтому относились к нему снисходительно. Только Цзинь Ни, вечно получая отказ, продолжал лезть к нему.

Так и не дождавшись ответа от юноши, он повернулся к Му Цунъюню:

— Старший брат, а как вообще зовут этого Хвостика? Не можем же мы вечно звать его Хвостиком?

Му Цунъюнь опешил. Он обернулся к юноше. Он действительно забыл спросить имя. Они оба не любили разговаривать: один не спросил, другой — не сказал. Му Цунъюнь немного смутился и спросил:

— У тебя есть имя?

За эти несколько дней Шэнь Ци отточил мастерство притворства до совершенства. Услышав вопрос, он тихо произронил:

— Шэнь Ци.

Му Цунъюнь нахмурился, переспрашивая:

— Какое именно «Ци»?

— «Ци» — как в слове «брошенный».

Каким бы родителям пришло в голову дать ребенку такое имя? Но тут же, вспомнив, что Шэнь Ци пережил в поселке Наньхуай, он все понял. Немного поколебавшись, Му Цунъюнь добавил:

— При посвящении в ученики можно попросить учителя дать тебе новое имя. Не думал о том, чтобы сменить его?

Шэнь Ци поджал губы и промолчал. В душе же он лишь холодно усмехнулся. «Шэнь» — это фамилия его матери, а «Ци» он выбрал сам. Чтобы всегда помнить: он — лишь выброшенная вещь, и в этом мире нет никого, кто заслуживал бы его привязанности. Зачем менять имя, которое служит напоминанием?

Видя, что юноша молчит, Му Цунъюнь решил, что тот не хочет перемен. Он не стал настаивать.

Магическая повозка, то ускоряясь, то замедляясь, через два дня добралась до подножия гор Сюаньлин.

Сюаньлин считался главой всех даосских школ. Его история насчитывала тысячи лет, а фундамент был необычайно прочен. Множество даосских дворцов, построенных среди горных хребтов, раскинулись на огромной территории, охватывая Центральную и Восточную области.

Если смотреть снизу вверх, можно было увидеть ряды загнутых крыш, покрытых глазурованной черепицей, теряющихся в облаках. Порой мимо пролетали птицы, чьи крылья рассекали клубящийся туман, делая это место похожим на сказочную обитель бессмертных.

У подножия горы начинались широкие каменные ступени, ведущие к дворцам Трех Залов и Девяти Дворцов.

В Сюаньлине были установлены Три Зала и Девять Дворцов. Три Зала возглавлял Минтан — главный дворец для собраний и совещаний. Также в них входили Юйтан, ведавший финансами, и Синтан, отвечавший за наказания. Девять Дворцов возглавлял Тяньцзи; остальные восемь — Цзиньгуй, Тяньдэ, Тяньлао, Байху, Чжуцюэ, Цинлун, Сюань и Гоучень — занимались обучением учеников и прочими делами.

Три Зала ведали мирскими делами, и их дворцы располагались на склоне горы. Дворцы Девяти Дворцов стояли выше, занимая отдельные вершины, растянувшись с востока на запад.

Дворец Тяньцзи, к которому принадлежал Му Цунъюнь, находился на самой высокой вершине — пике Уван.

Миновав ворота, Му Цунъюнь убрал повозку. Ученики, попрощавшись, разошлись по своим пикам докладывать о завершении миссии. Во дворце Тяньцзи учеников было меньше всего — на данный момент их было всего четверо во внутреннем круге, и Му Цунъюнь вместе с Цзинь Ни уже занимали два места.

— Я пойду доложу учителю. Ты отведи Шэнь Ци и устрой его, — поручив Шэнь Ци заботам Цзинь Ни, Му Цунъюнь направился на мече к павильону Мрачной Звезды.

Когда Му Цунъюнь прибыл, двери павильона были распахнуты, а вторая младшая сестра, Гуань Линьюэ, ждала его у входа, будто знала, что он придет.

Увидев его, она шагнула навстречу и улыбнулась:

— Вчера, выйдя из медитации, учитель сказал, что вы вернетесь сегодня, и велел мне ждать тебя здесь.

Му Цунъюнь впервые за долгое время почувствовал давление, будто студент, стоящий перед входом в экзаменационный зал. Он глубоко вздохнул и кивнул:

— Я пойду к учителю.

Он помедлил, вспомнив о Шэнь Ци. Боясь, что Цзинь Ни проявит небрежность, Му Цунъюнь добавил:

— Я привел с собой одного мальчишку, пока оставил его на попечении Цзинь Ни. Прошу, Линъюэ, пригляди за ним.

Гуань Линъюэ с изумлением уставилась на него. Столько лет они были вместе, но старший брат никогда не говорил так много сам по себе — обычно отвечал лишь на заданные вопросы. Неужели поездка вниз, в мир людей, так на него повлияла?

Ее взгляд был таким долгим, что Му Цунъюнь почувствовал неладное. Он вопросительно посмотрел на нее, и она, спохватившись, улыбнулась:

— Не переживай, старший брат, я позабочусь о нем.

Му Цунъюнь кивнул и, больше не проронив ни слова, с тяжелым сердцем вошел в павильон Мрачной Звезды.

Павильон был построен на самом отвесном утесе пика Уван. Кроме восточной стороны, где находился вход, остальные три стороны висели над пропастью. С северной стороны стоял Камень Познания Пути, с помощью которого можно было наблюдать за небесными знаменами и вопрошать о своем Дао. Когда учитель не пребывал в медитации, он любил размышлять именно здесь.

Переступив порог, Му Цунъюнь увидел человека в синих одеждах, сидящего в позе лотоса. Его длинные волосы не были собраны и рассыпались по плечам, смешивая черный и снежный цвета.

Во время этого затворничества у учителя, кажется, прибавилось седых волос.

Му Цунъюнь подошел и поклонился:

— Учитель.

— Садись, — Се Цыфэн открыл глаза, и в его светло-серых зрачках отразилась бесконечность звездного неба.

Му Цунъюнь сел, чувствуя беспокойство, и даже не осмелился встретиться с учителем взглядом. Се Цыфэн не спеша налил чашку чая. Он видел его волнение, но не дал возможности избежать разговора:

— Что ты понял после этой поездки?

«Ах, то, что должно было случиться, рано или поздно случается», — подумал Му Цунъюнь. Он вздохнул, кратко и ясно рассказал о событиях в поселке Наньхуай и Молящемся о богах древе, после чего принялся судорожно искать, какой бы сделать вывод.

— Алчность жителей поселка оказалась безграничной, что и привело к таким печальным последствиям.

Сказав это, он в смятении опустил глаза. Если бы вопрос был с готовым ответом, он бы ответил без запинки, но размышления требовали понимания, а в его голове не было ни единой связной мысли.

Се Цыфэн отставил чашку и вздохнул. В тот момент, когда Му Цунъюнь уже засомневался, не остался ли учитель недоволен ответом, и раздумывал, не добавить ли еще чего, тот сам сменил тему:

— Слышал от Линъюэ, что ты привел с собой человека?

Му Цунъюнь кивнул. Вспомнив Шэнь Ци, он впервые в жизни сам решил заступиться за кого-то:

— Это юноша, которого я спас в поселке Наньхуай, его зовут Шэнь Ци. Он сирота, совсем еще ребенок. Мне стало жаль его, вот я и решил привести его с собой.

Се Цыфэн удивленно приподнял бровь, и на его лице промелькнула легкая улыбка:

— Вы ладили?

«Наверное, можно сказать и так?» — Му Цунъюнь нерешительно кивнул. Большую часть времени Шэнь Ци просто молча находился рядом, не привлекая к себе лишнего внимания и не вызывая дискомфорта.

— Раз уж он тебе нравится, пусть остается. — Се Цыфэн сбросил с себя налет меланхолии, налил еще чаю и принялся его не спеша попивать. — Приведи его, пусть покажется. Если у него хороший талант к культивации — возьму в ученики. Если нет — останется на пике Уван внешним учеником. Как раз глава говорил, что на пике Уван слишком мало народу, нужно добавить пару человек. И мне не придется лишний раз искать.

Му Цунъюнь надеялся лишь на то, что Шэнь Ци позволят остаться внешним учеником, поэтому такой поворот стал для него приятной неожиданностью. Он тут же согласился и поспешил на поиски Шэнь Ци, и даже его походка стала чуть легче и радостнее.

Се Цыфэн смотрел ему вслед, пока тот не скрылся из виду. Затем, обмакнув палец в остатки чая, он нарисовал в воздухе сложный символ, и его тихий голос потонул в шуме падающего за

окном водопада:

— Неужели это он?

<http://bllate.org/book/21007/2135823>